

В столице Хо Тайлин был известен своим распутством. У него было множество связей, но он никогда не позволял себе поцелуев. Если какая-нибудь навязчивая женщина просила об этом, он либо переворачивал ее, чтобы не видеть, либо просто уходил. Поэтому женщины вокруг него привыкли к его характеру, считая его просто диким зверем.

Но теперь все происходило как в рукопашном бою, с ощущением, что один из них умрет, нет, что они оба погибнут. Дышать становилось все труднее.

Фан Шу тоже чувствовал себя неловко. Теория, полученная из книг, оказалась далека от практики. В реальности все было совсем не так, как описывалось в книгах: «Дух покидает тело, ноги становятся как ватные». Его губы тоже были поранены, и во рту был вкус крови. А человек под ним, казалось, был в замешательстве. Слова «не сравнится» вдруг стали огромными в его сознании, и он укусил язык Хо Тайлина, который не мог увернуться.

От боли Хо Тайлин заплакал. Он забыл о боли в спине, поднял руки, которые уже болели от напряжения, и резко оттолкнул Фан Шу.

Фан Шу упал на тонкое одеяло. Палатка стояла на песчаной почве, и воздух был сухим и холодным. Холод одеяла вернул ему рассудок, и он вытер кровь с губ рукавом.

Теперь Хо Тайлин был красным, а Фан Шу улыбался.

Два мужчины просто поменялись ролями в своей дуэли, и никакой романтики в этом не было.

Фан Шу почувствовал себя лучше, ведь, судя по всему, он выиграл. Он встал с кровати, достал матрас из-под кровати и почувствовал сонливость.

Хо Тайлин проверил свои зубы. К счастью, все было на месте.

— Ты что, собираешься меня съесть?! — закричал Хо Тайлин, не желая мириться с поражением. Его крик, вероятно, был слышен на несколько миль вокруг.

Фан Шу был оглушен его криком и, не подумав, сказал:

— У тебя есть отец, но нет матери! Ты должен называть меня старшим братом!

Как только эти слова были произнесены, Хо Тайлин замолчал. Он просто смотрел на Фан Шу, лежащего на полу.

Фан Шу почувствовал на себе горящий взгляд и понял, что сказал что-то не то.

— Это... — Фан Шу снова сел, не решаясь посмотреть на Хо Тайлина. — Я сказал что-то не то,

считай, что это был пустой звук.

Хо Тайлин уже был готов убить его. Его рука сжимала кинжал под одеялом, но он так и не поднял его. Услышав мягкие слова Фан Шу, он почувствовал, как годы сдерживаемой боли прорвались наружу, превратившись в огромное бремя, которое давило на его грудь.

— Старший брат?..

Фан Шу не ожидал, что Хо Тайлин действительно назовет его так. Этот беспомощный тон напомнил ему о давних временах, о том, как его называли «Цзюэ».

Теперь Хо Тайлин уже не был высоким и сильным мужчиной. Он выглядел как подросток двенадцати-тринадцати лет, с только что сформировавшимся телом. На его груди висела нефритовая бусина, которая блестела в свете, но его тело было покрыто синяками, что могло вызвать подозрения в жестоком обращении...

Фан Шу:

— Да, — ответил он.

— Ночью слишком холодно... — Хо Тайлин снова покраснел. Его лицо, с резкими чертами, становилось все более привлекательным. — Старший брат, ляг со мной.

Фан Шу был в затруднении. Он никогда не спал даже с Эрляном. Но, в конце концов, они оба мужчины, и это не Лю Большой Меч, который мог бы забрать его ян.

Он знал, что его неосторожные слова глубоко задела Хо Тайлина.

С подушкой и одеялом он поднялся на кровать, и Хо Тайлин освободил для него место.

Фан Шу был так утомлен, что даже не заметил, как Хо Тайлин обнял его за талию и не отпускал до самого утра.

Зимнее солнце покрыло поле боя тонким слоем золота. Хотя война закончилась, все были заняты. На поле боя под Шуньтянь «Орхидеевый таньхуа» на днях сказал:

— Мы не можем оставить кости наших братьев непогребенными! Даже если их тела превратились в пепел, мы должны вернуть их домой, чтобы их семьи могли попрощаться. А тела врагов нужно закопать, чтобы не вызвать эпидемию.

Если спросить, куда делась Нань Цзиньцзи, она добровольно занялась тыловой работой: стирала, готовила еду. Фан Шу предупредил других, и ни один солдат не осмеливался приставать к ней. Более того, другие женщины, потерявшие мужей и сыновей, также избегали

ее. Они, получив помощь от армии Мин, нашли приют, но иногда ночью к ним приходили офицеры, требуя вознаграждения.

В тот вечер, когда Нань Цзиньцзи готовилась ко сну, две женщины вернулись снаружи, и она услышала их тихий разговор.

Одна, с более низким голосом, вероятно, полная женщина, сказала:

— Ох, этот сотник только один раз попросил, и уже кончил... В самом лучшем состоянии он был размером с мизинец! А сам орал так громко.

Другая, с более звонким голосом, засмеялась:

— Эти грубияны либо неопрятны, либо ни на что не годны. Ни одного красивого и умелого не найти.

— А Таньхуа из Великой Мин — просто идеал! Ох, если бы с ним разок... Эх, стоило бы!

— О чем ты? Такой мужчина никогда не обратит на нас внимание. Видишь, Нань Цзиньцзи уже выгнали?

— Выгнали, и хорошо. Видишь, Таньхуа все равно заботится о ней? В отличие от нас...

— Хорошо? Я бы тоже не стала навязываться! Это же бесстыдство! Мы сами себя обеспечиваем!!

Эти слова глубоко ранили Нань Цзиньцзи.

На следующее утро она принесла воду для умывания Хо Тайлину и, войдя, увидела Фан Шу, лежащего на руке Хо Тайлина. Два мужчины тесно прижались друг к другу на узкой кровати, и Хо Тайлин обнял его.

Хо Тайлин увидел ее и сделал знак молчать. Она поставила таз с водой и вышла, но печаль в ее глазах не ускользнула от Хо Тайлина.

Фан Шу проспал до полудня. Как только он встал, к нему пришел Эрлян. Увидев их двоих, Эрлян сначала удивился, но, несмотря на взгляд Хо Тайлина, сказал Фан Шу:

— Господин! Лекарь сегодня собирается вынуть гвозди из тела Вэня. Если они заржавеют внутри, это может убить его.

Фан Шу быстро оделся и вышел, оставив Хо Тайлина в замешательстве, с чувством, будто его сердце было разорвано на части.

По дороге к Вэнь Сюаньцину Эрлян спросил:

— Господин... а что с твоими губами?

— Ударился о стол!

— У Хо Тайлина тоже...

Эрлян не был дураком. Это очень походило на следы поцелуев.

— Мы оба ударились. — Фан Шу, видя любопытный взгляд Эрляна, решил отшутиться. — Эх, зачем ты спрашиваешь? Мы подрались!

Хотя это действительно было похоже на драку.

— Ох... Господин, только не попадись ему. Хо Тайлин — нехороший человек...

Тон Эрляна, напоминающий заботливую мать, заставил Фан Шу улыбнуться.

На этот раз он действительно не проиграл, по крайней мере, он так думал.

Все говорили, что Хо Тайлин — нехороший человек, но никто не объяснял, в чем именно это проявлялось.

Процесс извлечения гвоздей был настолько ужасен, что Эрлян не мог смотреть и, тихо сказав Фан Шу:

— Я подожду снаружи, — вышел.

Цао Ми и другие офицеры Стражи в парчовых одеждах были там. Вэнь Сюаньцин был хорошим человеком, и все искренне переживали за него.

Хотя Вэнь Сюаньцин принял обезболивающее, он все еще был в сознании. Его глаза были полузакрыты, иногда он испытывал сильную боль, иногда онемение, а на лбу выступали крупные капли пота.

Железные гвозди вошли в его живот на три дюйма, каждый был длиной с иглу, но гораздо толще.

Старый лекарь, с седыми волосами, был очень худым, с выступающими скулами и редкими седыми бровями. Он говорил, подергивая уголками губ, что привлекло внимание Фан Шу, отвлекая его от кровавого живота Вэнь Сюаньцина.

Лекарь говорил, продолжая осторожно работать:

— Ох, этот мальчик, через что он прошел?

— Что вы имеете в виду?

Лекарь, наконец, вытащил один окровавленный гвоздь и показал его Фан Шу:

— Их нагревали докрасна перед тем, как вбить! Такие пытки могли убить его, но он выжил.

К концу процедуры обезболивающее перестало действовать, и Фан Шу дал Вэнь Сюаньцину деревянный стержень, чтобы тот не прикусил язык от боли.

Они продолжали до глубокой ночи, и никто не ушел. В конце концов, лекарь так устал, что, вставая, чуть не упал, но Фан Шу, который был ближе всех, успел его поддержать.

<http://bllate.org/book/15514/1378198>